

ПСИХОЛОГИ О ТВОРЧЕСТВЕ ВЫСОЦКОГО: К 80-ЛЕТИЮ ПОЭТА И БАРДА

Материал подготовлен в честь 80-летия со дня рождения Владимира Семеновича Высоцкого. Авторы — известные психологи — выходят за рамки научных штудий и делятся своими воспоминаниями, чувствами и размышлениями о творчестве В.С. Высоцкого, его роли в жизни обычных людей и месте его творчества в современности.

В.К. Зарецкий: Мгновение и вечность сливаются воедино...

В 1980, будучи уже во вполне сознательном возрасте, я не понимал, что такое смерть. Когда узнал, что 25 июля умер Высоцкий, я не помню, чтобы испытал какие-то особенные эмоции. Хотя опыт переживания смерти достаточно близких людей уже был.

1980 год был очень странным. Это был год, когда я, как и многие другие представители моего поколения, с самого детства с нетерпением ждали, что в этот год наступит коммунизм... Вместо коммунизма объявили сначала развитой социализм, а затем предложили олимпийские игры... Было очевидно, что так жить нельзя. Все ждали перемен. Но они все не наступали. Было тревожно. На этом сложном эмоциональном фоне смерть Высоцкого была еще одним подтверждением того, что так больше жить нельзя: «Даже Высоцкий не выдержал! Умер!». Примерно таким казался мне подтекст происходящего...

... Песни Высоцкого я впервые услышал, когда мне было 10 лет (в 1963 году). А в 11 лет я их уже пел. Первые песни были блатными, но привлекала в них не «романтика» того мира, а какое-то особое вну-

Для цитаты:

Психологи о творчестве Высоцкого: к 80-летию поэта и барда // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 1. С. 45—55. doi: 10.17759/cpp.2018260104

треннее напряжение. Серьезные песни были о поступках, о действиях в сложных критических ситуациях, о суровых людях, которых жизнь подвергала различным испытаниям. В военных песнях талант Высоцкого передавать текстом, неповторимой интонацией и хриплым голосом это внутренне напряжение раскрылся с еще большей силой. Военные песни шестидесятых я знал и пел все и даже использовал строки из них в школьных сочинениях на военную тему. В нашей школе это было возможно. Может быть потому, что ее номер был 187, а в школе 186 учился сам Владимир Семенович... И была она на Большом Каретном, прямо напротив дома, где он жил...

В военных песнях меня поражало все. Каким-то образом возникало ощущение присутствия. Было ощущение, что я не просто вижу происходящее, я нахожусь там, рядом, а может быть, все это происходит со мной самим. Поражала способность передать скупыми словами целую гамму смыслов и чувств. И особые отношения со временем. В песне Высоцкого время течет по-другому. Мгновение растягивается, переживается очень долго, пуля летит целую вечность («сейчас глаза мои сомкнуться, я крепко обнимусь с землей... я успеваю оглянуться...»). Помню, как я был поражен песней про звезду, скатившуюся «прямо под сердце». Я никак не мог смириться с тем, что героя, который поет песню, убивают уже во втором куплете. Но он продолжает рассказ об этом событии, размышляет, мечтает, а потом все обрывается... Мгновение и вечность сливаются воедино...

Помню, как в газетах пытались критиковать Высоцкого. Один из пунктов критики — «обилие глагольных рифм в его стихах». Но что делать, если герои песен Высоцкого **ДЕЙСТВУЮТ?!** Он все передает через действие: смыслы, чувства, отношение, переживание... И в этом он близок к основоположникам отечественной психологии, для которых действие являлось основной единицей психики, деятельности, души. Такое понимание действия сближало психологию и театр. Л.С. Выготский и А.В. Запорожец сначала встретились в театре Леся Курбаса, где доминировала идея все передать действием. И лишь спустя несколько лет после той встречи Выготский обратится к психологии, а вслед за ним к теме действия обратится и Запорожец, чтобы затем заниматься ею всю жизнь и передать эстафету своим ученикам, в первую очередь, В.П. Зинченко.

Если в середине 1960-х еще продолжались споры о том, можно ли считать Высоцкого серьезным поэтом и композитором, то в 1968 году для меня этот вопрос был снят полностью. Три песни Высоцкого, которые я тогда услышал, в моих глазах сразу перевели его в один ряд с величайшими русскими поэтами. Это были песни «Спасите наши души», «Охота на волков» и «Банька по-белому» (тогда еще просто «Банька»). Я пел эти песни, и они были не про подводную лодку, не про волков... Эти песни

для меня стали волшебным зеркалом, в котором отражалась наша жизнь. Не помню, кто и когда первый сказал, что песни Высоцкого — это энциклопедия русской жизни, но я был полностью согласен с этим тезисом...

А в прошлом году мне неожиданно прислал на электронную почту письмо человек, с которым мы последний раз виделись в 1978 году (мы тогда вместе работали в Центре управления полетами). Он был фанатом Высоцкого, но сам его песен не пел. Я пытался исполнять песни Высоцкого, но не понимал, что подражать ему нельзя. Попытки копировать манеру Высоцкого всегда выглядели жалкими. Он поет так, потому что ТАК переживает то, о чем поет. А ты должен петь так, как ТЫ переживаешь, как бы ведя диалог с автором... Тогда получается что-то другое, может чуть измениться мотив, ритм, интонация, но — как ни странно — не в этом дело. Высоцкий пел свои песни каждый раз чуть иначе, и даже меняя отдельные слова, добавлял и выбрасывал целые куплеты, как бы каждый раз переживая содержание песни по-новому.

Человек, приславший мне письмо, — мы с ним встретились спустя 39 лет — сообщил, что создал уникальную компьютерную программу «Знаете ли вы Высоцкого». Создал ее прежде всего для детей. Его зовут Виталий Юмашев. Он ровесник Высоцкого. В сентябре ему исполнилось 80 лет. Работая с ним три года, я убедился, что это гениальный программист. И его программа проста, как все гениальное. Она содержит тексты всех песен Высоцкого в разных версиях и справочный материал. Нажав гиперссылку, можно получить информацию о любом человеке, который упоминается в тексте песни, можно узнать, что означает непонятное слово или выражение, получить информацию об исторических событиях, если содержание песни с ними связано и т. д.

Но главное не в том, что можно получить ответы на все вопросы, которые могут быть навеяны содержанием песен. Главное, что Виталий Юмашев превратил эту программу в игру для детей, сделал ее образовательной. Для этого он после прослушивания песен Высоцкого предлагал детям поиграть в игру «Угадай, что дальше», прерывая песни в определенных местах, чтобы дети догадались или вспомнили последующий текст. На видеороликах, сделанных Виталием, видно, что дети в детском саду и юноши в колледже слушают песни с одинаковым вниманием и интересом, быстро включаются в игру и через нее начинают глубже понимать Высоцкого. Этот прием, придуманный В. Юмашевым, дает возможность остановить мгновение, вжиться в него, побыть немножко автором песни, установить смысл, по-настоящему вслушаться в песню, рассмотреть как под увеличительным стеклом каждую деталь... На вечере памяти Высоцкого в МГППУ, состоявшемся в день его 80-летия, Виталий Юмашев продемонстрировал свою программу для преподавателей и студентов, и она вызвала большой интерес.

Очень хотелось бы, чтобы эта программа появилась в наших образовательных учреждениях, так как песни Высоцкого не ушли в прошлое, как не может устареть то, что соприкоснулось с вечностью. Эти песни понятны и интересны современным детям, ведь борьба, подвиги, дружба, предательство, честь и достоинство и многое другое, о чем поет Высоцкий, — это темы непреходящие. И представители каждого поколения рано или поздно сталкиваются с проблемой самоопределения. Самая лучшая литература, самое лучшее кино — про самоопределение. Как рекомендовал А.П. Чехов, «пишите просто, как Петр Иванович женился на Марье Сергеевне». Потому что в любой ситуации можно увидеть и показать момент борьбы, в которой может произойти экзистенциальное самоопределение. Владимир Семенович Высоцкий умел это делать как никто другой. Да и сам он, не раз оказываясь в таких ситуациях, мог бы сказать и про себя: «спины не гнул, прямым ходил... и голове своей руками помогал».

Один из героев Ф.М. Достоевского в «Бесах» говорит: «Право на бесчестие — это мысль, которая может увлечь русского человека». В песнях Высоцкого одной из сквозных является другая мысль — способность сохранять честь и достоинство в любых ситуациях. Не исключено, что Владимир Семенович поможет новым поколениям в самоопределении между этими историческими жизненными ориентирами.

Жалею об упущенных возможностях... В нашем классе училась девочка, которая представлялась двоюродной сестрой Владимира Высоцкого. Он действительно бывал у них в доме. Однажды она мне позвонила и сказала: «Приходи быстрее. У нас дома Высоцкий и Таривердиев!» Помню, как у меня забилося сердце. Мне было 15 лет. Тогда я еще не бывал в театре «На Таганке», не видел его концертов... Очень хотелось познакомиться лично с таким Человеком. Но, как писал Петрарка «кто я такой, чтоб взмыть в такую высь...». Ну приду я, «здрасьте... вот пришел на Вас посмотреть». Подумалось, что буду выглядеть очень глупо. Не пошел. Попросил свою одноклассницу спросить его, на каких аккордах он играет (видеозаписей тогда не было). Записку получил от Таривердиева: «На субдомининтовых».

Н.Н. Толстых: Высоцкий в моей жизни

Высоцкий вошел в мою жизнь, а точнее, в жизнь нашего поколения, в пору моей, нашей ранней юности. Я, наверное, не могу говорить за все поколение, но среди известных мне многочисленных моих ровесников — друзей, знакомых, родственников, однокашников и сослуживцев — я не могу назвать ни одного, кто не знал бы Высоцкого с ранней

юности. И это при том, что его не показывали по телевизору, его песни не звучали по радио, не выпускались пластинки с этими песнями, фильмы с его участием появились позже, а интернета не было в помине. Можно ли назвать кого-то, столь же одинаково знакомого и одинаково важного для сегодняшних молодых? Думаю — нет. Высоцкий был для нашего поколения одним из его синхронизаторов, из тех, кто определил лицо этого поколения, определил его код.

Не так легко сказать, чем именно для меня был и является Высоцкий, но совершенно очевидно, что если бы его не было в моей жизни, то я стала бы другим человеком, мы стали бы другими.

«Живьем» я видела Высоцкого дважды в жизни — один раз в театре на Таганке и один раз на его концерте в нашем Психологическом институте на Моховой. Оба раза — незадолго до его ухода. А началось, конечно, с песен. Вначале — очень смешных: «Раздали маски кроликов, слонов и алкоголиков...», «А у тебя, ты помнишь, Зин, в семидесятом был грузин, так этот пил один бензин. Ты помнишь, Зин?» и т. д. и т. п. А потом, по мере того, как он становился старше, а мы выросли, песни становились все страшнее, все пронзительнее. Он сочинял и гениально пел (ни у кого же не получается даже приблизиться — по силе — к его способности петь эти песни) про самые важные для каждого человека вещи — про любовь, про дружбу, про смерть, про честь, про свободу, про те предельные, «пиковые», переживания, которые человек — совсем не каждый — может пережить на покоренных снежных вершинах. И человек, как я, который никогда не был альпинистом, все же мог хотя бы догадаться, чуть-чуть почувствовать, что там, на труднодоступной горной вершине, можно переживать, ощущая острую зависть к тем, у кого эти «вершины еще впереди». И мог узнать, не умом, а слухом, переживанием, буквально телом, сумасшедшую силу страсти, слушая, например, эту абсолютно непонятную по содержанию песню про «Парус! Порвали парус...». Говоря скучным околопсихологическим языком, можно сказать, что с невероятной щедростью Высоцкий дарил простым смертным широчайшую палитру и сильнейший накал эмоций, с одной стороны, а с другой — задавал — в предельно простой форме — не подлежащие никакому сомнению нравственные ориентиры и критерии — высокие и ясные.

Для меня бесценным подарком Высоцкого стал также «Вишневый сад» Чехова, со школьных лет знаемый чуть ли не наизусть, но казавшийся скучным (видела не одну постановку), который хорошей девочке надо было любить и ценить — классика! И вот — гениальная постановка А. Эфроса, где Высоцкий в роли Лопухина. И оказывается, что история, написанная Чеховым, — буря страстей и при этом про нас, про наше вчера и про наше сегодня. Для меня это был настоящий переворот в сознании и, конечно, незабываемые впечатления, в первую очередь имен-

но от того, что делал на сцене Высоцкий—Лопухин. Не могу себе простить, что не видела его Гамлета.

Впрочем, очень неточное выражение — «делал на сцене», в смысле «играл». Сколько бы ни смотрела «Место встречи изменить нельзя», кажется, что Желтова Высоцкий не играет, ничего не делает, чтобы «исполнить роль» — настолько это естественно. В фильме «Служили два товарища» усы ему приклеили, мундир надели, а все равно кажется — не играет, а просто на наших глазах у человека разрывается сердце, он просто не может — живым — расстаться со своей лошастью и со своей родной. Прошло много лет с того дня, когда смотрела этот фильм, и ничего почти из него не помню, но этот эпизод забыть невозможно. Думаю, что играй его кто-то другой, был бы обыкновенный кич, а с Высоцким — это, может быть, самая пронзительная метафора к трагедии белой эмиграции, хотя об этом немало было снято фильмов.

Высоцкого мало снимали в кино, да и в театре он сыграл не так много ролей. А был гениальным артистом... Сколько же все мы потеряли!

И при этом он был «свой парень», жил где-то рядом, носил модные брюки, любил шикарные машины и шикарную женщину — земной человек со своими слабостями.

Думаю, у многих, любивших Высоцкого, есть какая-то личная история, с ним связанная. Расскажу свою.

У этой истории есть рамка, которая для нее важна. В 11-м классе у меня был роман с одноклассником. Первая любовь. Собирались пожениться, но не случилось. Через 40 лет случайно столкнулись в арбатском переулке, где когда-то любили бродить, и уже не расстались. Года три назад мы с этим одноклассником оказываемся в заграничной Латвии, проводя пару летних недель на Рижском взморье. В доме, где мы живем, тут и там лежат книги, журналы. И вот однажды, листая один из номеров «Сноба», взялась читать рассказ «Пальто с хлястиком». Имя автора мне неизвестно — какой-то Михаил Шишкин (сейчас-то уже знаю, что он знаменитый писатель). Читаю и вначале начинаю понимать, что это же про мою школу № 59, что в Староконюшенном переулке, потом понимаю, что автор рассказывает о себе — он в этой школе учился и здесь же работала его мама. И тут я понимаю, что эта мама — наша учительница по русскому и литературе и одновременно наш классный руководитель — Ирина Георгиевна Шишкина. Я вспоминаю, что у нее были два сына — тогда младшие школьники, и становится понятно, что именно один из них стал писателем Михаилом Шишкиным. Не могу сказать, что мы как-то особенно любили Ирину Георгиевну. Она была, как нам тогда казалось, слишком уж «правильная», член партии и все такое прочее, а в цене в 60-е годы было другое. Мы по рассказам знали, что после того, как мы ушли из школы, она стала ее директором, какое-то время про-

работала на этом посту, потом заболела раком и вскоре умерла. И вот через полвека, далеко от Москвы узнаю, мы узнаем, как это было, как она уходила, как лежала в больнице, что говорила перед смертью. И за что, как оказалось, ее уволили с поста директора школы. Она осмелилась в 80-м году устроить в нашей 59-й школе вечер — памяти Владимира Семеновича Высоцкого.

В.С. Собкин: «Кто кончил жизнь трагически, тот — истинный поэт...»

На мой взгляд, основная тема творчества Владимира Высоцкого — трагическое мироощущение. Это проявляется и в его песнях, стихах, прозе, актерских работах. Неслучайно те режиссеры, которые понимали его талант, давали ему именно трагические роли (Гамлет, Хлопуша, Мартин Иден и др.). Когда я говорю о трагическом мироощущении, я отнюдь не имею в виду угнетенное состояние души, депрессивность или усталость. Напротив, это особый род высоких напряженных переживаний, которые позволяют прочувствовать мир на пределе, в момент перехода от здешнего к потустороннему. «В гости к Богу не бывает опозданий...», самому поэту «есть в чем оправдаться перед ним».

Напомню, что с психологической точки зрения такой тип переживаний крайне важен. И неслучайно Л.С. Выготский начал свой путь в психологию именно с анализа Гамлета. В психологическом этюде о Гамлете, анализируя особенности переживания трагического, он подчеркивает, что истинное понимание трагедии предполагает особое состояние, когда трагедия переходит в молитву. Для Высоцкого работа над Гамлетом также выступает как важный этап собственного личностного развития и миропонимания. Здесь столкновение здешнего и потустороннего расширяет собственный горизонт видения позволяет уловить, говоря словами Бориса Пастернака: «в далеком отголоске, что случится на моем веку¹», т. е. заглянуть за черту.

Это чувство трагического, ощущение себя на грани («хоть немного ещё постою на краю») созвучно той подсознательной эмоциональной доминанте, которая постоянно присутствует в нашем народе. Неслучайно русским близки те поэты, которые ушли из жизни «не допев, недолюбив...». Именно их упоминает Высоцкий в своем известном стихотворении «Кто кончил жизнь...» (Пушкин, Лермонтов, Маяковский, Есенин).

¹ Срока из стихотворения Б. Пастернака «Гамлет». Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. А.: Туркменистан, 1987.

Это чувство передалось и нашему поколению, оно звучит и в наших детях.

И в заключении пару слов о самом стихотворении. В нём есть строка: «На слово “длинношее” в конце пришлось три “е”. “Укоротить поэта” — вывод ясен». Ее почти никто не понимает. Что значит «длинношее»? Мне ответ ясен. Однажды в компании поэтов кто-то сказал, что в русском языке нет слов, которые заканчиваются на три «е». Осип Мандельштам моментально среагировал: «Длинношеее животное». Таким образом к упомянутым поэтам Высоцкий добавляет Мандельштама. И это совершенно особая тема отношения поэта и власти. Причем власти особой, лагерной. Чтобы это подтвердить, продолжим строки стихотворения: «Кто кончил жизнь трагически — тот истинный поэт, а если в точный срок, так в полной мере». Здесь явно звучит лагерная тюремная лексика: срок, полная мера. И здесь еще одна важная тема Высоцкого: тема свободы. Он как поэт страдает от несвободы, остро чувствует несправедливость, буквально «ходит пятками по лезвию ножа». В этом отношении он близок нам именно своим обостренным чувством чести, справедливости и свободы.

А.Ф. Копьев: Высоцкий — наше все

Роль творчества В.С. Высоцкого в жизни моей и моего поколения, думаю, невозможно переоценить. Это в полной мере было «наше все». Приведу забавный случай. Где-то в 1972 или 1973 году в читальню факультета психологии МГУ заглянул наш одноклассник — довольно простоватый парень, не баловавший библиотеку своими посещениями. Предстояло семинарское занятие по проблеме высших психических функций и он, по-видимому, решил как-то подготовиться. «Мне, — сказал он библиотекарю, — в растерянности почесывая затылок, — этого..., как его... Высоцкого... почитать».

Когда в жуткое олимпийское лето 1980 года (было жарко, улицы в Москве, как в фильме ужасов — какие-то полупустые, везде дружинники и милиция, теле- и радиоэфир заполнены фальшиво-бравурными здравицами в честь олимпиады) я зашел на работу к своей маме и услышал от нее, что сегодня умер Высоцкий, как-то не сразу смог это даже расслышать, наверное, сработала «перцептивная защита». Трудно было поверить: «Как же так? Как нам теперь?». Как будто «отсоединили» от системы жизнеобеспечения. И вроде было известно, что здоровье у него — никакое, что он пережил клиническую смерть, однако вся эта информация совершенно не укладывалась в голове. При всей любви к его песням, в миг расхлывшимся на цитаты, подлинное значение Вы-

соцкого стало проясняться, по крайней мере для меня, только после его ухода. И с каждым годом — уже давно перейдя его возрастной рубеж — я все более удивляюсь ему, восхищаюсь и испытываю огромную к нему благодарность. При всей скромности он, видимо, понимал свой собственный масштаб и значение:

«Я до рвоты, ребята, за вас хлопочу!
Может, кто-то когда-то поставит свечу
Мне за голый мой нерв, на котором кричу,
И веселый манер, на котором шучу...»

Время и народ в его творчестве, связанном тысячами диалогических нитей с окружающей жизнью, были узнаны и отображены по достоинству. Он не придумывал себе какого-то другого народа и сам не примерял на себя амплу «совести нации» (кандидатов на эту роль у нас всегда был критический избыток). Он действительно был зеркалом российского общества 20-го века, причем не кривым и не сервильным. Обладая виртуозной поэтической техникой, он явно чурался пафоса, но и к жестким, «зубодробительным» инвективам он был не склонен. Его творчество было чуждо групповых иллюзий и пристрастий. В этом смысле он был — ничей: ни левый, ни правый, ни «за», ни «против» и т. п. Причем не по каким-то цензурным соображениям. Думаю, он был абсолютно адекватен тому состоянию в котором находился народ. Все, что было в жизни по-настоящему живого, подлинного и искреннего, находило отзвук в его творчестве — порой парадоксальный, часто ироничный и насмешливый, но тем только «отмывавший» живое от неживого, делавший последнее смешным в своей пошлости, ложной высоте и самозванстве.

Основные темы и смыслы, затронутые В.С. Высоцким, никуда не ушли; ему удалось прорваться — сквозь идеологические надолбы и фантомы своей эпохи — к глубинным, духовным архетипам, которые были, есть и будут, доколе будут народ, страна, история.

А.Б. Холмогорова: Психотерапия Высоцким

Так сложилось, что почти все близкие мне люди по особому относятся к В.С. Высоцкому и его творчеству. Его голос звучал в нашем доме, когда дети еще плохо говорили, но уже точно могли опознать, что поет «фифотка». Замечательный биограф В.С. Высоцкого Владимир Новиков недавно сказал в одном из юбилейных интервью, что Высоцкого не любят и не понимают два сорта людей — у кого нет чувства юмора или отсутствует душевная вертикаль. Мне кажется, что есть еще одно

качество, которое необходимо для резонанса с его творчеством — готовность погрузиться в свое личное и наше коллективное подсознание и бессознательное. Он проламывает защитные механизмы и заставляет всмотреться в зеркало, в котором отражаешься ты сам и твоя эпоха со всеми уродствами, нелепостями, проблемками надежды, усилиями понять происходящее и подвигами мужества. Думаю, что секрет такого воздействия — в его особом даре языка, который извлекал из нашего подсознания глубоко запрятанные чувства и мысли и облекал их в такие точные слова, что хотелось то хохотать, то плакать, то просто изнемогать от удовольствия быть выраженным так точно и безупречно.

Вспоминается одна из любимых цитат Л.С. Выготского (заметила, как похоже звучат фамилии, когда стала писать эту короткую заметку), им перефразированная: «Я слово позабыл, что я хотел сказать, и мысль бесплотная в чертог теней вернулась»². Высоцкий умел подбирать слова-ключи к этим темным чертогам, к этим тайнам российской ментальности, и душа слушающего просыпалась, начиная осознавать саму себя и свое время. А какая работа происходила при этом в его душе — один бог ведает, «молчит наука». С уверенностью можно сказать только одно — это была очень тяжелая работа, она съедала его изнутри и отбирала все силы... Приходит в голову еще одна цитата из известного поэта: «И если зажмут мой измученный рот, которым кричит стомиллионный народ...»³... И хотя расцвет творчества Высоцкого, в отличие от Ахматовой, пришелся на «вегетарианские времена», «удушья» хватило и на его жизнь...

Как клиническому психологу мне хотелось бы остановиться еще на одном важном моменте, который также до некоторой степени может объяснить целостную силу творчества Высоцкого. В современных исследованиях психической патологии все больше говорят о роли так называемой автобиографической памяти — способность помнить конкретные события и их детали оказывается очень важным ресурсом для совладания с кризисами, депрессией и другими психологическими проблемами, в отличие от так называемой глобальной автобиографической памяти, воспроизводящей лишь смутные и обобщенные впечатления вместо полной нюансов живой картины жизненных событий. Творчество Высоцкого — это во многом искусство видеть и воссоздавать такие детали, в какие бы времена он ни перемещался, с кем бы ни идентифицировал себя — солдатом, хулиганом, пропойцей или спортсменом,

² Перефразированные строки из стихотворения Осипа Мандельштама «Ласточка» (1920). Осип Мандельштам. Сочинения: в 2-х т. Т. 1: Стихотворения, переводы. Сост. С. Аверинцев и П. Нерлер. М.: Художественная литература, 1990.

³ Анна Ахматова. Реквием. 2-е изд. испр. автором с послесл. Г. Струве. N.Y.: Товарищество зарубежных писателей, 1969.

бегущим по «гаревой дорожке». Живая деталь, переданная через точное слово, несущее целый сгусток смыслов — вот важный источник цельной силы его стихов: «все жили вровень скромно так, система коридорная, на 38 комнаток всего одна уборная», или «и солнце било в три луча, сквозь дыры крыш просеивая, на Евдоким Кириллыча и Кису Моисеевну...». Можно до бесконечности приводить строки из песен с фамилиями и именами, числом комнат и другими подробностями. Это то самое «здесь и теперь» или на современном модном психологическом языке — та самая майндфулнесс — осознанное и полное переживание момента жизни, которое во многом утратил современный человек. Если в прошлом за этой утратой стояли запреты, страх, репрессии, двоемыслие, то сейчас — суета, погоня за успехом, поглощенность добычей информации. Поэтому, как мне представляется, терапия искусством Высоцкого остается актуальной, а для российской ментальности, находящейся в процессе восстановления связи времен, эта терапия необходима как воздух. Хочется еще раз процитировать мысль В. Новикова: Высоцкий, подобно Пушкину, создал свой особый мир языка. И вот теперь мы с вами говорим этим языком, и он помогает нам понимать самих себя и внимательно всматриваться в мгновенья жизни.

Спасибо Вам, Владимир Семенович!

PSYCHOLOGISTS ON THE WORK OF VYSOTSKY: CELEBRATING THE 80TH ANNIVERSARY OF BIRTH OF THE POET AND THE BARD

The following materials are devoted to the 80th anniversary of the birth of Vladimir Semenovich Vysotsky. The authors — primarily famous as psychologists and researchers — transcend scientific studies and share their recollections, feelings, and thoughts about the work of V.S. Vysotsky, his role in the lives of common people and the place his work takes in the modern world.

For citation:

Psychologists on the Work of Vysotsky: Celebrating the 80th Anniversary of Birth of the Poet and the Bard. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2018. Vol. 26, no. 1, pp. 45—55. doi: 10.17759/cpp.2018260104. (In Russ., abstr. in Engl.).